

Впрочем, иногда делается попытка дифференцировать оттенки экспрессии, например: «Прилагательное или его превосходная степень с приставкой *пре-* выражает большую степень качества с экспрессивной окраской; обычно это образование употребляется в разговорной речи с шутливым или ироническим оттенком...» (стр. 110). Ср. также замечание о стилистической окраске частицы *-ка* (стр. 150).

Но вообще, чем больше удастся автору движение в глубь грамматической синонимии, тем меньше приходится ему прибегать к хоть сколько-нибудь дифференцированному анализу экспрессивных разновидностей стиля. Он ограничивается самыми общими замечаниями об экспрессивной окраске форм и конструкций и о связи их со стилями разговорной и книжной речи. Например: «Все добавочные обозначения будущих действий формами настоящего и прошедшего времени имеют экспрессивную окраску и в связи с этим широко используются в разговорной и художественной речи и очень редко встречаются в строго деловой речи» (стр. 147—148). «Повторный союз „и“ подчеркивает однородные члены, а также создает экспрессивную окраску» (стр. 243).

Таким образом, и классификация стилей по экспрессивным качествам в «Очерках» А. Н. Гвоздева лишена единства, цельности и последовательности. По мере перехода от стилистической лексикологии к стилистическому синтаксису, эта классификация постепенно теряет свои очертания. Возникает сомнение в правомерности распространения термина «стиль языка» на разновидности экспрессивной окраски речи.

Подводя итоги, следует повторить, что «Очерки по стилистике русского языка» проф. А. Н. Гвоздева — книга полезная, богатая отдельными интересными, тонкими замечаниями и наблюдениями в области русской грамматической синонимии, ценная по заключенному в ней иллюстративному материалу. Вместе с тем эта книга чрезвычайно наглядно свидетельствует о том, какая путаница и неразбериха еще царит у нас в понимании задач и содержания стилистики, ее основных категорий, ее места в ряду других лингвистических дисциплин.

В. В. Виноградов

Проф. *Д-р Эмил Георгиев*, Славянская письменность до Кирилла и Мефодия, Изд. Болгарской Академии наук (Ин-т болгарской литературы), София, 1952, стр. 96. Напечатана в дискуссионном порядке. На русском языке.

Труды советских историков (в первую очередь акад. Б. Д. Грекова и проф. Б. А. Рыбакова), установивших происхождение русской государственности и русской культуры в результате внутреннего социально-экономического развития русского общества, а также новые материалы, собранные и открытые советскими археологами, настоятельно требуют углубленных марксистских исследований, освещающих проблему возникновения и исторического развития славянской письменности.

Работы акад. С. П. Обнорского, в особенности его «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (1946), удостоенные Сталинской премии, ряд статей Д. С. Лихачева о языке раннего киевского и новгородского летописания, о культуре устной речи в древней Руси и предпосылках возникновения русской письменности и литературы¹, надпись первой четверти X в., обнаруженная Д. А. Авдусиным на обломках глиняного сосуда из Гнездовских курганов под Смоленском², новейшие находки проф. А. В. Арциховского, открывшего новгородские грамоты и бытовые письма на бересте XI—XIV вв.³, привели к появлению новых точек зрения на процессы возникновения и развития восточнославянской письменности⁴. В свете новых исторических и филологических данных высокая и самобытная культура древней Руси раскрылась во всем своем блеске⁵.

Совсей остротой стоит вопрос об изучении глубокой восточнославянской доистории, так как стало совершенно невозможным ставить в связь богатейшую самобытную древнерусскую культуру с исключительным влиянием византийско-болгарского просвещения. В той же степени шаткой становится традиционная точка зрения на возникновение восточнославянской и славянской письменности вообще.

И. В. Сталин учит, что «дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления

¹ Д. Лихачев, Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы, «Вопросы истории», [М.], 1951, № 12.

² Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров, Древнейшая русская надпись, «Вестник АН СССР», 1950, № 4; П. Я. Черных, Две заметки по истории русского языка, «Известия АН СССР, Отд.-ные лит.-ры и языка», 1950, вып. 5.

³ А. Арциховский, Новые открытия в Новгороде, «Вопросы истории», [М.], 1951, № 12; В. И. Борковский, Драгоценные памятники древнерусской письменности, «Вопросы языкознания», 1952, № 3.

⁴ См. акад. В. В. Виноградов, Л. П. Якубинский как лингвист и его «История древнерусского языка». (Предисловие к книге Л. П. Якубинского «История древнерусского языка», М., Учпедгиз, 1952).

⁵ См. коллективный труд «История культуры древней Руси», т. II, М., 1951.

в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — все это внесло большие изменения в развитие языка». Это означает, что появление письменности связано с образованием классов и зарождением государства, в частности, с потребностью в письменности для развивающейся торговли.

Переход славянских племен от первобытно-общинного строя к классовому обществу относится к VI—IX вв. Трудно допустить, чтобы славяне, у которых уже повсеместно сложилось классовое феодальное общество и появились первые государственные объединения, до второй половины IX в. не имели письменности, пока моравская миссия Константина и Мефодия не привела к созданию славянского письма.

Попытку пересмотра традиционной точки зрения на появление славянской письменности содержит напечатанная в дискуссионном порядке работа болгарского филолога проф. Э. Георгиева «Славянская письменность до Кирилла и Мефодия». Основные положения указанной работы были изложены автором в одной из статей, относящейся к 1936 г.⁷ В более поздней работе⁸ проф. Георгиев привел факты и соображения, доказывающие, что начало славянской письменности следует искать в докирилломефодиевскую эпоху. Разбираемая работа содержит новые материалы в подкрепление этого положения.

Нельзя не согласиться с проф. Георгиевым, когда он указывает, что в настоящее время «настоятельно требуется новое, углубленное исследование всего материала, освещающего возникновение славянской письменности, после того как было приведено достаточно данных, из которых становится ясно, что наши усилия раскрыть начало славянской письменности должны быть направлены не только к делу Кирилла и Мефодия, но и к более ранней эпохе» (стр. 3). И далее: «Новооткрытые надписи (имеются в виду Преславские надписи IX в., Гнездовская надпись и Добруджская надпись 943 г. — Н. К.), между прочим, подтверждают сообщение пространного жития Кирилла, что ко времени Константина-Кирилла существовало «русское письмо», которое было не готским, как на это обыкновенно указывалось в прошлом, а славянским» (там же).

Признавая, что «славянские первоучители» являются создателями одной из славянских азбук, а именно глаголицы, проф. Георгиев рассматривает возникновение славянского письма как результат общественного развития славянских племен, как процесс количественных накоплений и качественных изменений в развитии письма. Отметив, что слова со значениями «читать», «писать» и т. п. являются общими для всех славянских языков, он делает вывод, что славяне «читали» и «писали», во всяком случае свои *черты* и *резы*, о которых сообщает древнеболгарский писатель Храбр Черноризец, еще до появления государственности. От *черт* и *резов*, характер которых еще трудно установить, славяне перешли, по мысли проф. Георгиева, к использованию греческого и латинского письма. Этот переход тесно связан с распространением среди славян христианской религии. Из греческого письма, — заключает автор, — постепенно возникает особое славянизированное письмо, которое является качественно новым письмом в так называемой кириллице. Из латинского письма возникает письмо хорватов, словенцев, чехословаков и поляков» (стр. 5). В результате деятельности «славянских первоучителей», говорит проф. Георгиев, славянское письмо отмечает новый этап в своем развитии.

Проф. Георгиев ставит своей задачей критически разобраться в сообщениях средневековых писателей, характеризующих обстановку появления письма у славян, поскольку «древние жития, первоначальные славословия и службы имеют своей основной задачей... прославление славянских святителей», а не стремление показать историческую правду» (стр. 4). Все важнейшие исторические документы, кроме так называемой Итальянской легенды⁹, свидетельствуют, что Константин создал славянскую азбуку. Проф. Георгиев приводит следующие доводы в пользу того, что Константин создал именно глаголицу для миссионерской деятельности в Моравии:

- 1) наличие моравско-паннонской глаголической традиции, представленной в языке Киевских листов и Пражских глаголических отрывков¹⁰;
- 2) существование глаголической традиции в Хорватии (по далматинскому побережью и близлежащим островам). Глаголица проникла туда, повидимому, из Моравии-Паннии;
- 3) частое употребление в глаголических памятниках так называемых «моравизмов». Архаические элементы в грамматическом строе и лексике этих памятников, по мнению

⁶ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 26—27.

⁷ Е. Георгиев, Происходит ли кириллица, «Просвета», I, 1936, стр. 1182—1187.

⁸ Е. Георгиев, Начало славянской письменности в Болгарии. Старославянские азбуки, София, 1942.

⁹ Анализ этого памятника см. в его работе *Italianische Legende*, София, 1939.

¹⁰ Из последних работ по этому вопросу см. M. Weingart, *Československý typ cirkevné slovaniny*, Братислава, 1949.

проф. Георгиева, не имеют доказательной силы и свидетельствуют лишь о том, что «те глаголические памятники, которые дошли до нас, древнее дошедших до нас кирилловских памятников» (стр. 9). Ссылки палеографов на существование палимпсестов, например Боянского евангелия, также не показательны, потому что и в глаголических памятниках находим иногда кирилловские буквы, слова и выражения;

4) исторические свидетельства, которые единодушно говорят о том, что Константин создал новую азбуку. Такой азбукой может считаться только глаголица, так как кириллица до такой степени сходна с греческой азбукой, что средневековые писатели не придавали бы большого значения деятельности Константина в этой области, если бы она выразилась только в приспособлении греческой азбуки к славянской речи. В создании глаголицы Константином проф. Георгиев усматривает «не только желание славян овладеть плодами культуры, но и стремление к культурному и племенному обособлению» (стр. 6).

Вместе с тем, если прежде признание, что глаголица создана Константином, предопределяло приоритет ее¹¹, проф. Георгиев, как мы уже указали, полагает, что «кириллица, не будучи делом Кирилла, возникла до глаголицы, как греческое письмо, приспособленное к особенностям славянской речи для удовлетворения постоянной нужды болгарских славян в письме, в среду которых письмо Кирилла проникло значительно позже» (стр. 10).

Распространено мнение, что создатель кириллицы заимствовал начертания букв из греческой азбуки и глаголицы. Проф. Георгиев приводит свои аргументы против подобной связи кирилловского и глаголического письма. Он указывает, что этот взгляд «возникает из ошибочного представления, что Кирилл, создавая глаголицу, создал и первое славянское письмо» (стр. 14). Если придерживаться этой точки зрения, то возникает ряд вопросов: почему кириллица не взял все недостающие буквы из глаголицы (например, Б, ж, а, ѣ и т. д.), а оставил только одну (Ш) в том виде, в каком она известна глаголице; почему глаголическая буква для передачи сочетания *шт* по своему строению ближе к соответствующей кирилловской лигатуре¹² и т. п.

Порядок букв в азбуке, по мнению проф. Георгиева, также говорит о зависимости глаголицы именно от кириллицы, а не наоборот: ср. постановку глаголического Б на втором месте в алфавите, тогда как в кириллице Б является разновидностью В и, естественно, помещено рядом с ним.

Таким образом, говорит проф. Георгиев, у славян появилось два вида письменности: кириллица, возникшая как результат усвоения письма более культурного народа — греков, а также глаголица, созданная одним лицом¹³. Проф. Георгиев считает, что славяне Балканского полуострова и южной России рано пришли в соприкосновение с византийской культурой и что в греческой азбуке, употреблявшейся славянами «без устройства», следует искать начало кириллицы. «Новые славянские буквы в кириллице были созданы на основе двух принципов: 1) путем переделки греческих букв, близких по звучанию, при помощи так называемых диакритических знаков; 2) путем заимствования буквенных знаков из чужих языков, отражающих соответствующие звуки. Первый принцип открываем в начертаниях букв Б, Ж, Ъ, Ь, ѣ, Ю, А, х, второй — в начертаниях Ц, Ч, Ш» (стр. 16 — 17). Проф. Георгиев приводит палеографические данные для доказательства этого положения (стр. 17—24).

В главе «Усвоение греческой культуры славянами» он анализирует имеющийся материал о проникновении к славянам византийской культуры. Проф. Георгиев полагает, что вопрос о принятии христианства славянами изучен недостаточно; при решении этого вопроса обычно исходят из официальных дат христианизации, тогда как широкие народные массы принимают христианскую религию задолго до этого времени¹⁴.

Как мы видели, проф. Георгиев основные доказательства приоритета кириллицы строит на анализе графических систем двух старославянских азбук. Однако, как нам кажется, этот анализ, при сходе в общей системе глаголицы и кириллицы, не может иметь доказательной силы. Тем более, что сопоставление написаний букв для славян-

¹¹ См. А. М. Селіщев, Старославянський язык, ч. I, М., 1951, стр. 59.

¹² Наблюдения проф. Георгиева, между прочим, совпадают со следующими выводами акад. Е. Ф. Карского: «О заимствовании этих начертаний кириллицей из глаголицы не может быть и речи... Следовательно, можно бы допустить только заимствование указанных букв глаголицей либо из греческого церковного письма, либо из кириллицы с соответствующей стилизацией взятых написаний» (Е. Ф. Карский, Славянская кирилловская палеография, Л., 1928, стр. 360).

¹³ Ср. мнение об этом проф. Д. Лихачева в его статье «Предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы», «Вопросы истории», [М.], 1951, № 12, стр. 36.

¹⁴ См. утверждение проф. А. Исаченко о существовании словесной культуры у западных славян до Константина и Мефодия, деятельность которых была «не началом церковной образованности среди западных славян, а ее расцветом» (А. Isačenko, Začiatky vzdelanosti vo Veľkomoravskej ríši, Турчанский Мартин, 1948, стр. 5).

ских звуков и цифровое значение букв той и другой азбуки может быть истолковано в совершенно противоположном образом, а именно, что кириллица следует за глаголицей, видоизменяя ее буквы для славянских звуков и приводя их в соответствие со стилем прочих букв¹⁵. Поэтому мы обратимся к другим доказательствам существования письменности у славян до Константина и Мефодия, приводимым автором. К этим доказательствам относятся исторические факты и показания источников.

1. Слова *писати, читати, писма, писмо, кнѣга* и т. п., являясь общими для всех славянских языков, свидетельствуют, что славяне давно были знакомы с применением письма.

Однако, как нам кажется, указанные термины могли относиться и к другим видам письма, а не только к кириллице.

2. Если Ростиславу понадобились от Византии учителя и духовные лица для обучения его подданных на понятном для них славянском языке, то уже одно это служит указанием на то, что такие люди имелись в Византии, следовательно, существовали какие-то зачатки славянской письменности.

Это действительно важный факт. «Славянские первоучители» как раз и были подобными людьми.

3. Константин тотчас же составил славянскую азбуку, как только принял решение отправиться в Моравию, и взялся переводить евангелие. К разбору этого доказательства мы вернемся ниже.

4. Храбр Черноризец, по мнению проф. Георгиева, говоря о принятии христианства славянами, не имеет в виду время князя Бориса и официального крещения Болгарии в 865 г. По словам Храбра, со времени принятия христианства славянами, когда они начинают записывать свою речь греческими буквами, до изобретения письма Константином прошли «много лѣта». Следовательно, славяне имели возможность длительное время записывать свою речь греческими буквами и постепенно создать кириллицу.

Это толкование проф. Георгиевым указанного отрывка из апологии Храбра (стр. 29—30, 39—40) является убедительным, но ничего не говорит о том «устроении», которому подверглись греческие буквы.

5. В своем сказании Храбр упоминает лишь об одной славянской азбуке. Проф. Георгиев считает, что этот факт подтверждает его выводы. Но данное обстоятельство не может служить доводом в пользу той или иной азбуки, так как, во-первых, не установлено, какой азбукой пользовался сам писатель, а во-вторых, между этими азбуками существует непосредственная или через греческое письмо IX в. связь, которую не отрицает и проф. Георгиев.

6. Кириллица была общенародным делом, поэтому именно с этой азбукой стали связывать имя Кирилла (Константина). Если бы кириллицу создал один человек, то имя этого человека было бы известно и его азбука не была бы так легко приписана Кириллу.

Нам представляется этот довод проф. Георгиева неубедительным, потому что название «кириллица» было поставлено в связь с той азбукой, которая получила среди славян более широкое распространение.

7. Нельзя считать, что расцвет литературы и культуры в Болгарии конца IX — начала X вв. связан с прибытием из Моравии учеников Мефодия. Но далее автор сам пишет, что «при этом надо иметь в виду, что большая часть литературных памятников эпохи не дошла до нас, что мы не знаем имен большого числа писателей и что сейчас не располагаем даже и сотой частью тогдашней книжной продукции» (стр. 43).

Из литературных источников проф. Георгиев ссылается на сообщение VIII главы пространного жития Константина, в котором говорится, что, находясь около 860 г. в Корсуне (Херсонесе), Константин «обрел» евангелие и псалтырь, написанные «русьскими» буквами, которые тотчас же начал читать и толковать. Оценка этого сообщения непосредственно связана с вопросом о том, кто первый «ввел» письменность на Русь, откуда проник в нее славянский алфавит и каким был первоначально этот алфавит — глаголическим, кирилловским или иным. По этому вопросу в последнее время выдвинуто несколько догадок, которые, к сожалению, пока еще не могут считаться обоснованными¹⁶. Проф. П. Я. Черных пишет: «„Обретенные“ в Корсуне Константином Философом Евангелие и Псалтырь, можно полагать, как раз и были памятниками раннего восточнославянского глаголического письма»¹⁷.

Проф. Георгиев в соответствии со своей общей теорией возражает против этого предположения, говоря, что в таком случае «было бы необъяснимо, почему, при существовании в России глаголицы, нужно было впоследствии заменять ее кириллицей.

¹⁵ См. А. М. Селищев, Указ. соч., стр. 56—59.

¹⁶ См. П. Я. Черных, Происхождение русского литературного языка и письма, М., Учпедгиз, 1950, стр. 12—13; А. С. Львов, К вопросу о происхождении русской письменности, «Русский язык в школе», [М.], 1951, № 6.

¹⁷ См. П. Я. Черных, Язык и письмо, сб. «История культуры древней Руси», т. II, гл. IV, стр. 134.

Такая замена означала бы внезапную перемену, а ... развитие письма — медленный и постепенный процесс. Наконец, Гнездовская надпись ясно показывает, какое письмо распространилось в России. Эта надпись — самая древняя русская надпись с начала X века — кирилловская, и, значит, в России получило распространение кирилловское письмо» (стр. 52). Но в дальнейшем проф. Георгиев допускает существенное противоречие; отметив, что расцвет русской литературы в IX—X вв. свидетельствует о предшествовавшем длительном ее развитии, он забывает о более раннем существовании восточнославянской кириллицы и пишет, что на Руси «письменность была кирилловской, проникшей из южнославянских болгарских областей, где среди крещеных славян уже давно существовала азбука и письменность, развившаяся в результате близкого соседства с высокой византийской культурой» (там же).

Проф. Георгиев заканчивает свою работу характеристикой судеб славянских алфавитов: «В то время как Кирилл и Мефодий, а особенно Мефодий, распространяли глаголическую письменность в Моравии и Паннонии, после официального крещения Болгарии Борисом, некоторые из славяноболгарских духовных лиц, возведенные Борисом в более высокий сан и знакомые со славянизированной греческой азбукой, которую мы теперь называем кириллицей, открывают ей широкий доступ в болгарскую церковь, в болгарские монастыри, в болгарскую культуру. Это письмо распространяется все быстрее и быстрее, и скоро Борис делает его официальным болгарским письмом. После смерти Мефодия его ученики переносят в Болгарию и глаголицу» (стр. 83).

Обобщая все вышеизложенное, можно сделать вывод, что предложенная проф. Георгиевым теория происхождения славянской письменности, сохраняя много элементов традиционных воззрений по этому вопросу, недостаточно учитывает культурные достижения восточных славян в области письма. Проф. Д. С. Лихачев, подводя итоги русским и иностранным свидетельствам о наличии письма у восточных славян, пишет о восточнославянской письменности IX—X вв.: «Потребности в письменности обнаруживаются... в государственной жизни — в договорах и сношениях с иноземными государствами (договоры, сопроводительные грамоты), в крупной торговле (надписи на сосудах с содержимым), в новых имущественных отношениях (письменные завещания, надписи, удостоверяющие собственность), в развитом ремесле (подписи имени мастера, заменившие прежние родовые знаки собственности), в общественном почитании знатных (надписи на могиле руса), в развитом языческом культе (пророчество, написанное в храме).

Многообразное применение письменности свидетельствует, что к X в. она прошла уже сравнительно долгий путь развития. Должно было пройти по крайней мере не менее века, а всего вероятнее и значительно больше, чтобы письменность смогла получить столь разнообразное применение»¹⁸.

Несмотря даже на привлеченный к исследованию большой материал, работа проф. Георгиева в значительной мере замыкается в круг общих рассуждений и сводится к ряду гипотез, с которыми в таком виде трудно согласиться и которые необходимо доказать путем исторического сопоставления уже добытых имеющихся материалов — исторических, археологических, филологических. Если поставлен вопрос о славянской письменности до Кирилла и Мефодия, то невозможно пренебрегать богатым материалом восточнославянских раскопок¹⁹ и не выявить свое к нему отношение в связи с выдвигаемой теорией. Между тем анализ всего этого материала доказывает, что у восточных славян письменность нашла широкое и разнообразное применение задолго до того, как она начала к ним проникать через Болгарию, после введения христианства.

В своем настоящем виде книга проф. Георгиева содержит ряд интересных интерпретаций текстов и правильных предположений, которые, однако, необходимо подкрепить надлежащим фактическим материалом. Именно в связи с его отсутствием основное положение об «историческом» развитии кириллицы осталось недоказанным.

В своей работе проф. Георгиев сообщает об открытых в последнее время славянских надписях. Наиболее ценны его сообщения об отрывках кирилловских надписей

¹⁸ Д. Лихачев, Указ. соч., стр. 34.

¹⁹ См. В. Городцов, Заметки о глиняном сосуде с загадочными знаками, «Археологические известия и заметки», т. V, № 12, 1897; т. VI, № 11—12, 1898; ср. его же, Древнее население Рязанской области, «Известия Отд. ин-та русск. языка и словесности АН», т. XIII, кн. 4, 1908; Лецевский, Рунические надписи на Алакуловских рунах, «Труды Московского археологического общества», т. XIX, вып. 2, 1904; А. Рццхвский, Введение в археологию, М., 1941, стр. 112; М. А р т а м о н о в, Средневековые поселения на Нижнем Дону, М.—Л., 1935, стр. 90 и след.; Н. Макаренко, Археологические исследования 1907—1909 гг., Издание Императорской комиссии, вып. 43, стр. 23 и др. работы. Сводка данных по этому вопросу до 1948 г. содержится в статье Е. Эпштейна «К вопросу о времени происхождения русской письменности», «Ученые записки Ленингр. гос. ун-та», Серия исторических наук, вып. 15, 1948; см. также вышеупомянутое предисловие акад. В. В. Виноградова к книге Л. П. Якубинского «История древнерусского языка».

на развалинах церкви в Преславе. Как известно, эти надписи, обнаруженные болгарскими академиками Кр. Миятевым и Ив. Гошевым²⁰, обычно относили к XI в.²¹ Однако совсем недавно акад. Гошев открыл новые кирилловские надписи, в одной из которых читаются имена болгарских царей Бориса и Симеона и датировка которой 893 г. — год начала царствования Симеона²². Следовательно, эта надпись на целое столетие древнее надписи Самуила.

Гнездовскую надпись проф. Георгиев характеризует как «счастливое дополнение к известиям пространного жития Кирилла о существовании русского письма еще во время Кирилла и Мефодия и так называемой Бандурцевой легенды о письме на Руси еще в 60-х годах IX века» (стр. 61). Он приводит также снимок недавно открытой при постройке канала Дунай — Черное море Добруджской надписи 943 г.²³ Палеографи-

Фиг. 1. Добруджская надпись 943 г. (по изданию Eugen Conșa, Dorin Popescu, в *Studii și cercetări de istorie veche*, Academia Republicii populare române. Anul II, № 1, ianuarie—iunie, 1951).

ческому и лингвистическому анализу две последние надписи подверглись в статье чешского лингвиста Ф. Мареша «Две находки древних славянских надписей (в СССР под Смоленском и в Румынии)»²⁴. Автор разделяет мнение советских историков о датировке Гнездовской надписи. Он отмечает, что чтение проф. М. Н. Тихомирова *горушца* неприемлемо по языковым соображениям, а чтение *горуш(ь)на*, предложенное проф. П. Я. Черных, кроме хронологической неувязки (опущение редуцированного), не соответствует палеографическим фактам, которые указывают, во-первых, на то, что лигатуры в древности были очень редки, а во-вторых, на то, что лигатура *ш* писалась бы в строку, а не по вертикали.

Ф. Мареш высказывает предположение, что Гнездовскую надпись следует читать, как *горуз пса*, где первое слово означает собственное мужское имя, возможное в словообразовательном отношении для славянских языков, а второе является формой 3-го

²⁰ Кр. Миятев, Симеоновата църква в Преслав и нейният епиграфичен материал, «Български преглед», I, кн. 1, София, 1929.

²¹ Ср. М. Weingart, «Byzantinoslavica», II, вып. 1, 1930, стр. 166—168; J. Vaïs, «Slavia», XII, 1932, стр. 229—231, А. М. Селищев, Указ. соч., стр. 74.

²² Е. Георгиев, Новоткрити забележителни славянски надписи, газета «Изгрев», V, № 1450 от 23 июня 1949 г.

²³ См. Е. Conșa и D. Popescu, Cercetări arheologice pe traseul Canalului Dunăre-Marea Neagră, сб. «Studii și cercetări de istorie veche», I, 1951.

²⁴ F. V. Mareš, Dva objevy starých slovanských nápisů (v SSSR u Smolenska a v Rumunsku), «Slavia», XX, seš. 4, 1951, стр. 497—514.

лица ед. числа аориста от глагола *писати*. Отсутствие двух редуцированных (в конце первого слова и в сочетании *пс-*) вызывает такие же затруднения, что и чтение проф. Черных. Предполагаемая лигатура, таким образом, оказывается разложенной на буквы *з* и кирилловское *пси*. Ссылка Ф. Мареша на аналогичную надпись поца Саввы в Саввиной книге мало убедительна, поскольку последний имел основания сделать указанную надпись, а целесообразность подобного текста на сосуде очень сомнительна, что понимает и сам автор.

Г Ъ Р (Ь) Ц Ъ Х Ъ
(Ъ) Л Ъ Т О : С Ъ Н Ъ
(Р) И Д И М И Т Р Ъ (Ъ)

Фиг. 2. Чтение Ф. Марешем Добруджской надписи
(неясные буквы заключены в скобки)

По мнению Ф. Мареша, еще «далеко до догадок о связи надписи с предполагаемым корсунским славянским письмом. Находка Гнездовской надписи не ведет к ревизии вопроса о приоритете глаголицы, так как сопоставление ее с Преславскими кирилловскими надписями и преславской керамикой не отодвигает в глубь хронологических рамок засвидетельствованных кирилловских памятников. Однако она является ценным свидетельством существования последних на русской территории» (стр. 511). Добруджская надпись, по мнению исследователя, в палеографическом отношении близка к болгарским кирилловским надписям на камне и, будучи датированной, ценна для суждений о начертании некоторых букв.

Таким образом, новые факты, новые археологические открытия существенно меняют традиционные воззрения на зарождение и распространение буквенного письма у славян, в особенности восточных, на роль письменности в их быту, общественной жизни и государственной практике. В этих условиях, естественно, возникает много спорных вопросов и гадательных предположений, научно доказать которые можно будет только после дальнейших открытий.

Н. А. Кондрашов